

«И МОИ» ПИСЬМА И. И. ДМИТРИЕВА К Д. Н. БЛУДОВУ

Обзору эпистолярного наследия Ивана Ивановича Дмитриева посвящено на редкость содержательное исследование, открывающее, в виде преамбулы, комментарий В. Э. Вацура к самой представительной публикации Дмитриевских писем в XX столетии¹. Здесь не только выяснено историко-литературное значение эпистолярного наследия Дмитриева, окинута взглядом опубликованная его часть², представлен весьма полный (несмотря на обязательные уверения в отсутствии претензий на полноту) перечень неопубликованных писем поэта из архивохранилищ двух столиц³, но также названы наиболее огорчительные утраты — письма к Н. М. Карамзину, Д. Н. Блудову⁴ и Д. В. Дашкову. Обзор, сделанный В. Э. Вацура, как и следовало ожидать, существенно повысил научную котировку дмитриевского эпистолярного текста, искусно стимулировав новые публикации. Анонимный редактор, назвавшийся «Редакция “Российского Архива”», обнародовал крайне любопытное письмо Дмитриева к Блудову от 8 августа 1820 г., находящееся в ГЦТМ⁵. Нам также трудно побороть соблазн предать тиснению три Дмитриевских письма к тому же адресату, хранящиеся в РГАДА. Увы! И эти скромные добавления никоим образом не отменяют вывода о том, что письма Дмитриева к Блудову практически не сохранились, — по-прежнему, большая часть известных в печати ответных писем остается без Дмитриевского ответа, лишь подтверждая справедливость наблюдения, сделанного его эпистолярным собеседником: «Какой-то дух, вероятно, нечистый, ибо он в некотором смысле враждует чистейшему из наших поэтов, и уже безо всякого сомнения злой в отношении ко мне, вооружился на мою переписку с вашим превосходительством»⁶.

Письма печатаются по автографам (РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 1751). Приносим читателю чувствительные извинения за вынужденную беглость и краткость сопроводительных пояснений.

¹ Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 437—445.

² Основным библиографическим источником является «История русской литературы XIX века: Библиографический указатель / Под ред. К. Д. Муратовой». (Л. 1962. С. 288—289, 841), которая может быть пополнена лишь весьма незначительно — для примера укажем напечатанное в статье Александра Соколова «Русская Библиотека в Америке» (Морской Сборник. 1850. Т. 4. № 7. С. 37, подп.: Ал. Ск.) письмо И. И. Дмитриева к Н. П. Резанову 1803 года (ответ на давно известное биографам поэта апрельское письмо Резанова из Петербурга. — Русский Архив (далее: РА). 1866. № 8—9. Стлб. 1331—1334) и отрывок из письма к П. И. Соколову (январь 1823), помещенный в книге: Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Вып. 7. СПб., 1885. С. 59).

³ Обратим, кстати, внимание на находящиеся в ОР РНБ 7 писем к Н. И. Гнедичу (1817—1832) из фонда П. Н. Тиханова (ф. 777), 3 письма к Г. Р. Державину (в печати известно лишь одно. — *Дмитриев И. И. Сочинения / Ред. и прим. А. А. Флоридова*. Т. 2. СПб., 1893. С. 214) и одно к А. М. Лунину из фонда Г. Р. Державина (ф. 247), письмо к Е. А. Карамзиной (б. д.) из фонда Н. М. Карамзина (ф. 336), 3 письма к кн. В. Ф. Одоевскому (в печати известны лишь два) в фонде 539 и 2 письма к Ф. П. Опочинину в фонде 545, о которых сообщается в кн.: Аннотированный указатель рукописных фондов. Вып. 2. Л.: «ГПБ», 1982. С. 116, 119, 231; Вып. 3. Л., 1983. С. 129, 144; Вып. 4. Л., 1984. С. 119; на письмо И. И. Дмитриева к Д. Н. Бантыш-Каменскому от 24 марта 1834 (ИРЛИ), публикуемое в статье А. Л. Осповата «Источниковедческая заметка к “Медному всаднику”» (В кн.: Седьмые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Москва; Рига, 1995, в печати), а также на записку И. И. Дмитриева к П. И. Мятлевой (б. д.) — ЦГАДА. Ф. 1271. Оп. 1. Д. 179. Отдельного разговора заслуживает служебная переписка Дмитриева (см., например, копии трех его декабрьских писем 1817 г. к А. С. Шульгину в «Деле о доставлении тайн. сов. Дмитриеву сведений о жителях города, которым назначены денежные пособия Комиссией вспоможения» —

ЦГАИгор. Москвы. Ф. 46. Оп. 8. Д. 1987. Л. 78, 89, 93—93 об.), выявлением которой никто пока не занимался, несмотря на пробуждающийся интерес к служебной деятельности поэта (ср.: Клименко А., Савельев А. «Угодник одним законам». — Российская юстиция. 1994. № 7. С. 31—34).

⁴ Самим В. Э. Вацуро опубликовано замечательное письмо Дмитриева к Блудову от 16 июля 1813 года, хранящееся в РГАЛИ: Письма русских писателей XVIII века. С. 418.

⁵ Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. Т. I. М., 1991. С. 29—31. Является ответом на письмо Д. Н. Блудова от 27 июля 1820 г. — РА. 1866, № 11—12. Стлб. 1652—1654; то же в кн.: Ковалевский Ег. Граф Блудов и его время. СПб., 1866. С. 237—239, с опечаткой в дате, перекочевавшей в кн.: Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 1799—1826. Изд. 2-е, испр. и доп. Л., 1991. С. 219, и в комментарий «Редакции “Российского Архива”».

⁶ РА. 1866, № 11—12. Стлб. 1647.

Милостивый Государь Дмитрий Николаевич!

Хотя Вы и не хотите ко мне писать, но я, ответствуя на письмо почтенного Н. И. Кривцова¹, не могу воздержаться чтоб не напомнить Вам о себе, и не принести вам чувствительной благодарности за 4 части Жоржеля¹. Как бы я желал иметь и последние³, которые, судя по выпискам, должны быть еще занимательнее первых. Как ни упала Фр<анцузская> словесность, в сравнении с веком Луд.<овика> XIV или XV, но все еще согревает нас умом своим. Разумеется, что я не считаю Жоржеля одним из первых ее витязей.

Что сказать вам об нашей? доходят ли до вас отечественные ведомости и журналы? Консерватер, который в прошлом году открыл нам, что нынешняя наша изящная словесность получила направление свое от покойного Радищева, и почти покойника Нарезного⁴, ныне, уведомляя нас о принятии в члены Русской Академии Моск<овского> профессора Кач<еновского>, называет его: *Auteur célèbres par de nombreux ouvrages, qui se distingnent éminement par leur utilité et l'élegance du Stile*⁵.

Многочисленные же и превосходные творения сего знаменитого автора состоят из следующих пьес, нам известных: 1: О Российском красноречии*. 2: Состязание его с бывшим экспедитором М. Ю. Мартосом о банном строении⁷. 3: рецензия на третью часть моих Стихотворений⁸. 4: изъяснение о древнем Русском поединке на Палках⁹, подавшее повод Строеву и Калайдовичу к возражениям, но оные либеральными нашими журналами отвергнуты¹⁰. И, наконец 5: возражение Князю Шаликову на письмо его о попадье, найденной им в Малороссии. Здесь славный автор доказывает сильными доводами диалектики, что отнюдь не предосудительно попадье носить повсюду с собою связку ключей, которые искони признаваемы были *Символом доброго хозяйства*¹¹. Все сии многочисленные творения, плоды двадцати лет помещены в двух журналах¹². Жаль, что которое-нибудь из наших ученых сословий не соберет их, как законное свое достояние, в одном томике.

Между тем Киевский корреспондент Вестника Европы без малейшей жалости и уважения продолжает глумиться над нашим Историографом, как над малолетним школьником, разбирая уже третий месяц введение его в историю¹³. Бедный Карамзин! одни из земляков его говорят: мы и сами давно так об нем думали, другие дивятся, как они так долго не чувствовали его ничтожности! а постоянно приверженные к нему Авторы первого разряда, только грустят и восклицают: как жаль, что нет Блудова или Дашкова! — в прочем есть наша Литтература не изобильна в новостях: по крайней мере, повторяемые издания старых сочинений доказывают, что Авторы их умели угодить публике. Недавно я читал в М.<осковских> Ведомостях объявление о новом и полном издании басен Крылова, *любимейшего* нашего Российского *Лафонтена*¹⁴. Так изъясняется об нем Российский книгопродавец, равно возникают и другие старые Авторы, как призраки из сумрака чистилища; Московский Измайлов выдал собрание

мелких переводов своих¹⁵, подражая Коченовскому и Жуковскому¹⁶; К.<нязь> Шаликов уже печатает два тома отборных своих сочинений, один стихов, а другой прозы¹⁷. А Пушкин *старый* уже почти дописал полное собрание своих стихотворений, и решительно хочет их тиснуть¹⁸.

Вот вам вкратце История нынешней нашей словесности¹⁹. Может быть, она не слишком займет вас в стране Мильтонов, Томсонов, Греев и Аддисонов, но вспомните Горациев стих: «отечества и дым приятен» и извините болтовню давно не говорившего с вами, и искренно любящего и уважающего вас

Покорнейшего слуги
Дмитриева

Москва

1819

Апреля 2-го

¹ Вероятно, то, при котором советник посольства в Лондоне Николай Иванович Кривцов прислал Дмитриеву из-за границы «последнее сочинение Прадта», о чем довольный получатель рассказывал в письме к А. И. Тургеневу 27 марта 1819 г. (Русская Старина (далее: РС). 1903. № 12. С. 715). Зарегистрированное в обзоре В. Э. Вацуру (Письма русских писателей XVIII века. С. 439) письмо Дмитриева к Н. И. Кривцову (ОР РНБ. Ф. 52. № 244), возможно, является тем ответом Кривцову, одновременно с которым посылалось комментируемое письмо к Д. Н. Блудову.

² Речь идет о шеститомной книге Жана Франсуа Жоржеля (29 января 1731, н. ст. — 14 ноября 1813, н. ст.) «Воспоминания, к описанию событий конца Осмнадцатого столетия служащие» (*Georgel J. F. Mémoires pour servir à l'histoire des événemens de la fin du dix-huitième siècle depuis 1760 jusqu'en 1806—1810...* Т. 1—6, Paris, 1817—1818). Возможно, что бурный интерес Дмитриева к этому сочинению основывался на желании скорее познакомиться с помещенным в заключительном томе описанием путешествия автора в Россию в 1799 году. Эта часть мемуаров, представляющая собой небезыңтересный источник по истории царствования Павла I (отреферирована А. О. Корниловичем: Депутация от Германского Великого Приорства Ордена Св. Иоанна Иерусалимского к Императору Павлу I. — Северный Архив. 1822. Ч. 3. № 15. Июль С. 222—238; переведена Н. Соболевским с предисловием А. Кизеветтера: Путешествие в Петербург аббата Жоржеля в царствование императора Павла I. М., 1913; рецензия К. Сивкова: Голос Минувшего. 1914. № 11. С. 274—275), не раз привлекала внимание историков павловской эпохи (см., например: РС. 1877. № 3. С. 573; № 7. С. 366; РА. 1895. № 4. С. 493, 494; 1909. № 7. С. 426; Исторический Вестник. 1901. № 7. С. 205; *Шильдер Н. К.* Император Павел I. СПб., 1901. С. 397, 585; *Эйдельман Н. Я.* Грань веков. М., 1982. С. 357).

О книжных увлечениях поэта см., например: *Н. И. П. <Иваичин-Писарев Н. Д.>* Библиофилы. — Москвитянин. 1843. Ч. 6. № 12. С. 47; *Сорокин В.* Библиотека И. И. Дмитриева. — Книжные новости. 1937. № 23—24. С. 65—66; *Анохина Т. Г.* Дарственные надписи на книгах библиотеки Дмитриевых. — Рукописная и печатная книга в фондах Научной Библиотеки Московского университета. <Вып. 1>. М., 1973. С. 92—104; о их структурирующей роли для Дмитриевского эпистолярия см. наблюдения В. Э. Вацуру в кн.: Письма русских писателей XVIII века. С. 442—443; о сходной страсти Блудова см.: Книжный Вестник. 1887. № 24. 15 декабря. Стлб. 1455; *Пясецкий А.* Граф Дмитрий Николаевич Блудов, как библиофил. — Известия книжных магазинов товарищества М. О. Вольф. 1898. № 12. Стлб. 248—251. Имеющие давнюю историю (см.: Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895. С. 38—40, 43) книжные контакты Блудова и Дмитриева продолжались и после комментируемого письма: Блудов много лет доставлял Дмитриеву «микроскопическое» многотомное издание Вольтера (РА. 1866. № 11—12 Стлб. 1656—1657, 1659, 1662; 1906. № 1. С. 128; Старина и Новизна. Кн. 2. СПб., 1898. С. 160), а в 1836 г. подарил печатным отчетом Министерства внутренних дел (РА. 1868. № 4—5. Стлб. 648; Старина и Новизна. Кн. 2. С. 190—191).

³ Дмитриев уже успел, по крайней мере, трижды попросить А. И. Тургенева (в письмах от 18 сентября и 4 ноября 1818 г., 9 января 1819 г.) о передаче этой просьбы Блудову (*Дмитриев И. И.* Соч. Т. 2. С. 233; РС. 1903. № 12. С. 714; Литературный Вестник. 1901. Т. 1. № 1. С. 42). Отвечая на публикуемое письмо (полученное им в Лондоне почти через год после отправления: «...Оно весновало и провело большую часть лета в Петербурге; остальное время, то есть осень и зиму, путешествовало по Германии, отдыхало в Париже и наконец прибыло в Англию...»); ср.: *Дмитриев И. И.* Соч. Т. 2. С. 259), Блудов оправдывался: «Я ее <«грамотку» Дмитриева. — А. И.-Т.> принял, как верный Арзамасец: с радостью, которую вы без труда можете себе вообразить, и — с смирением, ибо, если не совсем, то, по крайней мере, отчасти заслужил ваши упреки. Доставя к вам первые четыре тома Жоржеля, я, конечно, должен был послать за ними вслед и пятую часть его Записок, и реляцию его путешествия; но признаться ли? мне эти произведения аббата экс-иезуита показались так мало достойны вашего внимания, что я не захотел даже выписать их из Франции. Чувствую, что такое оправдание весьма неудовлетворительно; последние части сочинения всегда нужны, по крайней мере, для порядка, в такой порядочной и прекрасной библиотеке, какова ваша. Зато я и не думаю оправдываться: просто винюсь и спешу, сколько могу теперь, заглазить свою вину. По счастью, нашел аббата Жоржеля в одной Лондонской книжной лавке, и как скоро случится добрый, стоворчивый курьер, то нагружу на него свою посылку к вам, поручаю ее посредничеству графа Каподистрии. Надеюсь, что он будет исправнее других моих комиссионеров» (РА. 1866. № 11—12. Стлб. 1648).

⁴ Имеется в виду следующее место из анонимно напечатанной в петербургской газете «Le Conservateur Impartial» (1817. № 77) статьи В. К. Кюхельбекера «*Coup d'oeil sur l'etat actuel de la litterature russe*»: «Несмотря на усилия Радищева, Нарезного и некоторых других, на усилия, которым, быть может, со временем узнают цену, в нашей поэзии даже до начала 19 столетия господствовало учение, совершенно основанное на правилах

французской литературы» (напечатанный в 1817 г. в «Вестнике Европы») (Ч. 95. № 17—18. С. 156; далее: ВЕ) перевод этой статьи, выполненный М. Т. Каченовским, цитируется нами по кн.: Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 434—435; см. также содержательный комментарий В. Д. Рака — там же. С. 742—743). Нельзя с уверенностью ответить, помнил ли поэт, что в лице Блудова, он беседует с одним из авторов этой газеты (см.: Гласе А. — Проблемы авторства В. К. Кюхельбекера. — Русская литература. 1966. № 4. С. 145—146), собиравшимся к тому же посвятить отдельную статью А. Н. Радищеву (*Батюшков К. Н.* Соч. Т. 2. М., 1989. С. 481; ср. комментарий О. А. Проскурина в кн.: «Арзамас». Т. 2. М., 1994. С. 564). Авторство Кюхельбекера, над фонетической стороной фамилии которого Дмитриев будет через год посмеиваться в беседе с В. И. Панаевым (Вестник Европы. 1867. т. 3. № 9. Отд. I. С. 269), по-видимому, осталось ему неизвестным.

⁵ В информационной заметке о заседании Российской Академии 8 марта 1819 г. (*Le Conservateur Impartial*. 1819. № 23. 21 Mars / 2 Avril. P. 103) был приведен во французском переводе фрагмент речи, в которой президент Академии А. С. Шишков представлял новых кандидатов. В подлиннике слова Шишкова о Каченовском звучали так: «Долговременные упражнения его в российской словесности и многие изданные им сочинения, сколько пользой своею, столько же и чистотою слога отличающиеся, кажется мне, по справедливости отверзают ему двери в сие почтенное сословие» (*Сухомлинов М. И.* История Российской Академии. Вып. 7. СПб., 1885. С. 468). Свои претензии к «*Le Conservateur Impartial*» (и заодно к Академии, сделавшей столь неудачное и несвоевременное приобретение — ср. в письме к другому корреспонденту от 27 марта 1819 г. — РС. 1903. № 12. С. 715) Дмитриев почти дословно повторил через неделю, 10 апреля 1819 г., в письме к А. И. Тургеневу (Соч. Т. 2. С. 245). А в конце месяца поэту предстояло узнать из письма Карамзина следующее: «Ведаешь ли, что ты избрал Каченовского в члены Рос. Академии? Я положил белый шар и за себя и за тебя, и за Жуковского, и за Оленина. Это совсем не великодушие. Критика его весьма поучительна и добросовестна. Не имею духа бранить тебя за твое негодование; но сам не хочу сердиться» (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 261).

Истоки конфликта И. И. Дмитриева с М. Т. Каченовским подробно проанализированы (см.: Вацуро В. Э. И. И. Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века. — XVIII век. Сб. 16. Л., 1989. С. 166—167). Конкретные обстоятельства этой размолвки известны, в частности, по книге М. А. Дмитриева «Мелочи из запаса моей памяти» (М., 1869. С. 117—118). По другому сообщению этого же мемуариста, его дядя не ограничился при объяснении с Каченовским констатацией, что издаваемый последним журнал ему теперь «ни друг, ни сват», но и добавил, «что с этих пор они не знакомы». «Так они и расстались, — говорит М. А. Дмитриев, — и что странно, с этой минуты оба, разом, невзлюбили друг друга» (*Дмитриев М. А.* Главы из воспоминаний моей жизни. — ОР ГБ. Ф. 178. М. 8184-1. Л. 83 об.). При этом Каченовский навсегда остался уверен в «коварном характере И. И. Дмитриева» (*Снегирев И. М.* Дневник. Т. 1. М., 1904. С. 91, запись от 24 августа 1824 г.).

⁶ «Каченовский М. Т.» Взгляд на успехи Российского витийства в первой половине истекшего столетия. — ВЕ. 1811. Ч. 59. № 19. С. 182—211; то же: Труды Общества любителей российской словесности. Ч. 1. Кн. 1. М., 1812. С. 17—52.

⁷ Речь идет о полемике, развернувшейся на страницах ВЕ из-за анонимно изданной книги «Исследование банного строения, о котором повествует летописец Нестор» (СПб.: В типографии Ивана Глазунова, 1809. 35 с.; авторство И. Р. Мартоса установлено в статье: *Лазаревский Ал.* Иван Романович Мартос (р. ок. 1760—1831). Биографический очерк. — Киевская Старина. 1895. № 10. С. 51; ср.: *Модзалевский В. Л.* Малороссийский родословник. Т. 3. Киев, 1912. С. 459; Русские анонимные и подписанные псевдонимами произведения печати. 1801—1926: Библиографический указатель. Вып. 1. Л., 1977. С. 101). Написав рецензию на это сочинение (ВЕ. 1810. Ч. 49. № 1. С. 60—70, подп.: К.), Каченовский получил из Петербурга антикритику Мартоса (1810. Ч. 53. № 18. С. 145—154, б. подп.), на которую вскоре отвечал (1810. Ч. 54. № 23. С. 218—230, подп.: К.), Затем из северной столицы пришла статья И. Р. Мартоса «Изложение споров о банном строении, о котором повествует летописец Нестор» (1811. Ч. 60. № 22, С. 116—129; 1812.. Ч. 61. № 1. С. 25—52, б. подп., ср.: *Лазаревский Ал.* Указ. соч. С. 54), в которую Каченовский вставил обширные куски своего текста, помеченные «Примечание г. Критика», и завершил дело статьей: «Еще несколько слов о банном строении» (1812. Ч. 65. № 17. С. 38—56, подп.: К.). За участие в этой научной дискуссии М. Т. Каченовский был удостоен следующей характеристики в «Парнасском Адрес-Календаре» А. Ф. Воейкова: «Великий государственный архивариус, хранитель древней пыли, обер-банщик торговых Гиппокренских бань, бесценный член банного строения, церемониймейстер предбанников, ордена бани кавалер; имеет через плечо веник на лыке» («Арзамас». Т. 2 М., 1994. С. 8).

Пренебрежительная интонация, с которой Дмитриев высказывается в разбираемом письме если не о самом И. Р. Мартосе, то, во всяком случае, о его сочинениях, несколько контрастирует с рассказом Ивана Петровича Мартоса в письме к своему родственнику Ивану Романовичу о беседах с поэтом в ноябре 1817 г.: «В другой раз моего с ним свидания, опять о вас говорил, и очень много; я заметил, что он вами интересуется и особенно уважает; говоря о вас и о ваших трудах, сказал: он писал, писал — и все это брошено!» (Киевская Старина. 1896. № 6. С. 348—349; о дальнейших контактах И. Р. Мартоса, служившего при Дмитриеве экспедитором во 2-й Экспедиции Министерства Юстиции (в тексте комментируемого письма: «М. Ю.»), со своим бывшим министром см.: *Капнист В. В.* Собр. соч. Т. 2. М.; Л., 1960. С. 543, 544, 546), подтверждая правоту анонимного мемуариста: «С знакомыми он обращался двулично: за глаза не щадил никого, а в глаза казался чуть не другом. Раз, среди гостей своих, он описывал Погодина самыми черными красками, называл его и подлецом и пронырой, говорил, что удивляется людям, которые принимают к себе такого негодяя. Вдруг, как нарочно, приезжает Погодин. Все пришли в смущение и ожидали истории, вроде проводов в шею. Ничего не бывало! Дмитриев вскочил с места, протянул дружески руку вошедшему гостю, упрекая его, что давно не навещал старого знакомого...» (РС. 1890. № 6. С. 679).

⁸ Сводку сведений об отношении Дмитриева к этой рецензии (ВЕ. 1806. Ч. 26. № 8. С. 278—300; Ч. 27. № 9. С. 42—54) см.: Вацуро В. Э. И. И. Дмитриев в литературных полемиках... С. 175—176; ср: *Дмитриев И. И.* Соч. Т. 2. СПб., 1893. С. 201—204, 206—207. Возможно, что включением этого крайне неприятного для себя пункта в намеренно заузенный список ученых трудов Каченовского, призванный, по мысли Дмитриева, подчеркнуть научное и литературное ничтожество издателя «Вестника Европы», поэт намеревался напомнить бывшие подвиги Д. Н. Блудову, напавшему в 1806 г. на Каченовского с удачной антикритикой (распространялась в рукописи; текст см. в кн.: *Дмитриев М. А.* Мелочи... С. 267—278), и тем побудить его к новым выступлениям (о неустанных

попытках И. И. Дмитриева организовать литературное сопротивление Каченовскому свидетельствует множество источников; укажем, для примера, письма И. И. Дмитриева и В. Л. Пушкина к кн. П. А. Вяземскому: Старина и Новизна. Кн. 2. СПб, 1898, по указ.; «Арзамас». Т. 2. М., 1994. С. 435, 437, 440).

⁹ Имеется в виду: К.<Каченовский, М. Т.> О судебных поединках. — ВЕ. 1811. Ч. 57. № 10. С. 115—125; перепечатано: Рассуждение О судебных поединках, читанное Членом Михаилом Трофимовичем Каченовским. — Записки и Труды Общества Истории и Древностей Российских. Ч. I. М., 1815. С. 29—43.

¹⁰ Сделанный П. М. Строевым жесткий разбор «Рассуждения О судебных поединках», несмотря на цензурные потери (по-видимому, существенно обесмыслившие текст), все же увидел свет в «Сыне Отечества» (1815. Ч. 26. № 52. С. 253—254, подп.: Σ ; 1816. Ч. 27. № 6. С. 251—256, подп.: Неизвестный Грек; возражение М. Т. Каченовского — ВЕ. 1816. Ч. 85. № 1. С. 68—69; об извинениях Н. И. Греча и перед Каченовским, и перед его критиком см.: Барсуков Н. П. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878. С. 58), а вот строевский отзыв на статью Каченовского «О славянском языке вообще и в особенности о церковном» (ВЕ. 1816. Ч. 89. № 19—20. С. 241—263, подп.: К.) так и не был напечатан, несмотря на опасения Каченовского, писавшего о своем новом рассуждении: «Приговора о нем читатели благоволят искать в «Сыне Отечества», куда многое до меня касающееся изволят сообщать один юный критик, современный наблюдатель Русской Словесности <Каченовский изящно раскрывает псевдоним своего зоила намеком на издававшийся П. М. Строевым в 1815 году журнал «Современный Наблюдатель Российской Словесности». — А. И.-Т.>, покровительствуемый обществом издателей «Сына Отечества» и весьма уважаемый книгопродавцами. Желаем юному критику по окончании продолжаемых им наук, быть еще более полезным...» (ВЕ. 1816. Ч. 89. № 19—20. С. 309—310). Н. И. Греч, смягчая пилюлю комплиментами Каченовскому (Сын Отечества. 1816. Ч. 34. № 47. С. 69), готовил его к скорому появлению строевской критики: «Опровержение сих старинных заблуждений, конечно, возродит желание оспаривать доводы г. Каченовского, и хотя мы уверены в истине сих его мнений, но с удовольствием станем помещать возражения на оные, чтоб дать ему повод и способы доказать их еще очевиднее. — При сем случае поставляем долгом заметить, что мы отнюдь не присваиваем себе права и обязанности разбирать выписки из метрических книг о времени и месте рождения и послужные списки об учении, службе и чинах тех особ, которые рассудят сообщать нам свои замечания» (Там же. С. 90), а в следующем номере своего журнала обнадеживал Строева: «Приглашение наше присылать к нам замечания на любопытную статью г. Каченовского о Славянском языке, не было напрасно. Мы получили целую тетрадь возражений. Уведомляем неизвестного нам г. Критика, что его статья напечатана будет, по пропуске оной Цензурою, в непродолжительном времени» (Там же. № 48. С. 119), не забывая также похваливать издателя «Вестника Европы» (Там же. № 50. С. 188; № 51. С. 242). 20 июля 1818 г. Дмитриев писал А. И. Тургеневу: «Нет лучше ремесла журналиста: говорит, что хочет, бранит кого хочет и нет апелляции, потому что журналисты сделали между собой союз, чтоб друг на друга ничего, не печатать. Калайдович посылал замечание на одну пьесу К., и «Сын Отечества» не напечатал» (Соч. Т. 2. С. 232). Возможно, материалом для уמוзаключений Дмитриеву послужило знакомство с письмом Н. И. Греча к П. М. Строеву от 30 ноября 1816 г. с объяснениями по поводу ненапечатанной рецензии и засвидетельствованием почтения К. Ф. Калайдовичу (см.: Барсуков Н. П. Указ. соч. С. 59).

¹¹ Текст, описываемый Дмитриевым, нами пока не обнаружен.

¹² То есть в ВЕ и Записках и Трудях Общества Истории и Древностей Российских.

¹³ Ф. <Каченовский М. Т.>. От Киевского жителя к его другу. (Письмо П). — ВЕ. 1819. Ч. 103. № 2. С. 117—132; № 3. С. 198—208; № 4. С. 289—298; Ч. 104. № 5. С. 45—53; № 6, С. 124—138. М. А. Дмитриев сообщает, что за нападки «Вестника Европы» на Карамзина «дядя почти возненавидел Каченовского» (ОР РГБ, ф. 178, М. 8184-1, л. 83 об.). Сам же историограф призывал приятелей не отвечать критику, утверждая, «что если бы могло что-либо оскорбить его самолюбие, то это не ничтожество замечаний Каченовского, но важность, какую придает им Дмитриев» (Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1. СПб., 1899. С. 213).

¹⁴ Московские Ведомости. 1819. № 26. 29 марта. С. 647 (объявление книгопродавца Матвея Петровича Глазунова). Дмитриева, с давних пор именуемого «русским Лафонтеном», «нашим единственным Лафонтеном» (см., например: Переписка А. Х. Востокова. СПб, 1873. С. XIX—XXI; Вацуро В. Э. И. И. Дмитриев в литературных полемиках... С. 151, 177) или даже «соперником» Лафонтена (Грамматин Н. Стихотворения. Ч. 1. СПб., 1829. С. 33), не могли не задеть подобные формулировки. О его творческих и жизненных взаимоотношениях с Крыловым см.: Витберг Ф. Первые басни И. А. Крылова. — Известия ОРЯС ИАН. 1900. Т. 5. № 1; Серман И. З. Крылов — баснописец. — Иван Андреевич Крылов: Проблемы творчества. Л., 1975. С. 237—250; Вацуро В. Э. И. И. Дмитриев в литературных полемиках... С. 162—166; Петриченко К. Л. Некоторые тенденции в развитии басни XIX в. (И. А. Крылов и И. И. Дмитриев). — Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1991. № 4. С. 29—32. Неизвестный мемуарист, недоброжелательствующий Дмитриеву, утверждал, что тот «завидовал славе Крылова и не мог равнодушно переносить похвалы этому баснописцу» (РС. 1890. № 6. С. 680).

¹⁵ Измайлов В. В. Переводы в прозе. Ч. 1—6. М., 1819—1820. Возможно, что перечисление «старых Авторов», возникающих с новыми изданиями давних сочинений, «как призраки из сумрака чистилища», призвано было мотивировать препровождение 21 ноября 1818 г. (Дмитриев И. И. Соч. Т. 2. СПб., 1893. С. 237) книги «Сочинения И. И. Дмитриева». Ч. 1—3. М., 1818, которую Блудов получил, лишь вернувшись в Россию (27 июля 1820 г. он благодарил поэта «за прекрасный во всех отношениях подарок, отправленный вами ко мне в третьем году, но полученный мною только третьего дня. Это последнее обстоятельство не удивит вас, когда вы вспомните, что посредником между нами был Тургенев...» — РА. 1866. № 11—12. Стлб. 1652).

¹⁶ Имеются в виду: Библиотека Повестей и Анекдотов, изданная М. Каченовским. Ч. 1—5. М., 1816—1817; Повести, Анекдоты и Смесь, изданные М. Каченовским. Ч. 1—5. М., 1819—1820, и, возможно, изданный В. А. Жуковским сборник: Для немногих: Für Wenige. № 1—6. М., 1818. (Титульный лист принадлежавшего И. И. Дмитриеву экземпляра воспроизведен в кн: Рукописная и печатная книга в фондах Научной Библиотеки Московского университета. <Вып. 1>. М., 1973.)

¹⁷ Шаликов П. И. Сочинения. Ч. 1—2. М., 1819.

¹⁸ В. Л. Пушкину, занимавшемуся подготовкой издания своих стихотворений, по крайней мере, с осени 1818 г. (Михайлова Н. И. Письма В. Л. Пушкина к П. А. Вяземскому. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Т. XI. Л., 1983. С. 222), удалось осуществить это намерение лишь через несколько лет: Стихотворения Василия Пушкина. СПб., 1822.

¹⁹ Блудов отвечал 25 марта / 6 апреля 1820 г. из Лондона, стараясь, как кажется, уклониться от Дмитриевского призыва на литературное ристалище: «Прибавить ли, по вашему вызову, несколько слов о литературе Английской и о так называемой, нашей современной? Последняя от меня скрылась за облако отдаления; до нас сюда не может достигнуть ни один печатный листок русских типографий, ни один звук наших лир, или балалаек. Благодаря вам, я на сих днях вспомнил, что есть на свете некто Каченовский, некто Шаликов и пр. и пр.; что эти люди с жаром и важностью спорят о ключах некоторой попады, и с тяжелым легкомыслием невежества шутят над нашим историографом. Бог с ними! ужасная болезнь, от которой я почти два года страдаю, которая лишила меня, правда, не жизни, но живости, и, беспрестанно умножаясь, иссушает остаток сил моих, физических и моральных, сделала однако ж мне и пользу: от нея я уже не чувствую ни малой досады ни на какую глупость. Беседа и Академия, журналы Москвы и Петербурга, уже не могут ни взбесить, ни рассмешить меня; по крайней мере, мне так кажется в Лондоне; не знаю, как будет, когда возвращусь в Россию» (РА. 1866. № 11—12. Стлб. 1649).

²⁰ «Что сказать о состоянии здешней словесности? — спрашивал в ответном письме Блудов. — Вы, милостивый государь, по старой и благоразумной привычке, еще называете Англию отечеством Аддисонов, Попов, Стилей, полагая сей титул в числе других ея славных титулов. Поверите ли, что ныне уважение к блистательному веку королевы Анны здесь едва терпимо? И кто, из Англичан или иностранцев, имеет дерзость пленяться красноречивою простотою Аддисоновой прозы, или глубокомыслием, всегда ясным, стихов Попа, и сильною краткостью его выражений, тот, благодаря господствующему вкусу, слывет литературным еретиком. Чтоб быть православным, надобно поклоняться поэтам предшествовавших веков, и чем древнее, тем лучше, начиная от Мильтона и поднимаясь к Шекспиру, Спенсеру, или, что еще почтеннее, к Чоусеру и другим песнопевцам или песельникам 14-го столетия. Любовь к средним векам и ко всему готическому, здесь почти общая; от каменных зданий перешла и к творениям воображения. В этом согласны все партии и все нации, составляющие Великобританскую; о прочем, как о литературных так и о политических предметах, беспрестанные разногласия и споры, кои, однако ж, довольно мирным образом, гремят в журналах, в парламенте, иногда на площадях, и в некоторых домах за вечерними обедами. Сей дух разделения, на партии и нации, очень заметен в том как определяются места нынешнего славного триумvirата живых поэтов. Как у нас на Руси, в Московском университете, удивляются одному Мерзлякову, в Беседе — только Шихматову, а в доме Оленина — Гнедичу; так и здесь Ирландцы с упрямством и запальчивостью ставят выше всех своего земляка Мура, которого мы, Арзамасцы, могли бы назвать английским Батюшковым; шотландцы готовы сражаться за поэмы, а особливо за романы, в самом деле прекрасные, Вальтера Скотта, также как в старину сражались за свою независимость; наконец англичане, и более прочих принадлежащие к оппозиции, не дозволяют никого сравнить с лордом Байроном. Вот мнения трех королевств о трех стихотворцах» (Там же. Стлб. 1649—1651).

Милостивый Государь Дмитрий Николаевич.

Приветствуя вас с благополучным возвращением¹, желаю от всей души, чтоб природный климат восстановил ваше здоровье, между тем чувствительно благодарю вас за ваше письмо² и доставление мне последних двух томов Жоржелевых записок.

Признаюсь, что я ожидал в 5-м томе найти более, нежели увидел: ожидал, что он развернет характер Робеспьера, опишет его силу, его падение. Вместо того он затер его Дантон~~ом~~* с товарищи. Робеспьер его ничем не ужаснее того, который подарил ему перстень. Словом г. Аббат только что грамотен и не глуп, а не Автор³.

Сохрани Бог, чтоб и у нас, по привычному нам подражанию, не обратиться к Тредьяковскому и Буслаеву⁴. Московские наши поэты, пока делятся каникулы, замолкли, впредь до воззвания Антона Антоновича⁵. Один только неутомимый Вестник Европы движет свой жернов без отдыха. Мир им, а я между тем наслаждаюсь воркованием голубей, игохтаньем Индеек, визгом Павлина и громогласием домашнего лирика Петуха в моем птичнике, посреди цветущего сада⁶. Не смею продолжать, сколько б ни хотелось говорить с вами. Приезжему надобно дать отдохнуть и осмотреться. И так препоручаю себя в продолжение вашей приязни⁷, всегда для меня лестной, и с душевным почтением навсегда имею честь быть

Милостивый Государь!

вашим покорнейшим слугою

Иван Дмитриев

NB. Почтеннейшей вашей супруге⁸, покорнейше прошу вас засвидетельствовать также душевное мое почтение.

Москва

1820

Июля 12 дня

* Первоначально Дмитриев ошибочно написал «Робеспьером», следовательно, имеется в виду творительный падеж — «Дантоном с товарищи», но в результате новой описки в тексте осталось «Дантон»

¹ Д. Н. Блудов приехал в Петербург между 27 и 30 июня 1820 г. (Санкт-Петербургские Ведомости. 1820. № 53. 2 июля. С. 651).

² Цитированное нами выше письмо от 25 марта / 6 апреля 1820 г.

³ Дмитриевское словоупотребление может быть пояснено отрывком, переведенным Д. П. Севериным: *Вольтер*. Автор, или Творец. — ВЕ. 1809. Ч. 45. № 10. С. 81—90, подп.: Д... С... нь.

⁴ Поэт первой половины XVIII столетия Петр Буслаев (см. его поэму в кн.: Русская силлабическая поэзия XVII — XVIII в. в. <Л.>, 1970. С. 288—299, а также биографическую статью А. М. Панченко в кн.: Словарь русских писателей XVIII века. Вып. I (А - И). Л., 1988. С. 136).

⁵ 51-е заседание Общества любителей российской словесности состоялось 5 июня 1820 г., а следующее — лишь 30 октября. «Было время, — сокрушался Дмитриев еще в начале года (в письме к кн. П. А. Вяземскому от 26 января — Старина и Новизна. Кн. 2. СПб, 1898. С. 133), — что я хвастался московскими литераторами, а теперь пускай хвастается ими Антон Антонович» (т. е. председатель ОЛРС А. А. Прокопович-Антонский). Под «московскими нашими поэтами» Дмитриев разумел, в первую очередь, кн. П. И. Шаликова и В. Л. Пушкина — сообщая 18 октября 1820 г. об их недугах кн. П. А. Вяземскому, он восклицал: «Вы можете представить хлопоты Антона Антоновича: на них только и была надежда к первому заседанию словесников» (Там же. С. 141).

⁶ Дом и сад Дмитриева обстоятельно описаны его племянником (*Дмитриев М. А.* Главы из воспоминаний моей жизни. — ОР РГБ. Ф. 178. М. 8184-1. Л. 90—91); сводку сведений об этом многократно воспетом разными сочинителями месте см. в работе: Чулицкий В. И. И. Дмитриев. — Журнал Министерства Народного Просвещения. 1902. № 4. С. 387.

⁷ Ответ Блудова от 27 июля 1820 г. из Петербурга напечатан: РА. 1866. № 11—12. Стлб. 1652—1654.

⁸ Анна Андреевна Блудова (урожд. княжна Щербатова), 1777—1848.

Милостивый Государь
Дмитрий Николаевич.

Вручитель сего письма, Московской Полицеймейстер и полковник г. Микулин¹, просил меня доставить ему приятный случай представиться Вашему Превосходительству.

Тем охотнее исполняю его желание, что по родственной связи моей с ним², коротко знаю и благородные свойства и усердную деятельность его по настоящему служению. — Хотя он не скакал во всю прыть, а плотно сидел в управе благочиния³ или в своем кабинете.

Малейшее к нему благоволение вашего превосходительства⁴ уже сделает его счастливым, и меня обяжет новою к вам благодарностию.

Между тем покорнейше прошу вас и Милостивую Государыню Анну Андреевну принять поздравление мое с новым годом и искреннее желание вам провесть его, как и многие впредь, в постоянном благополучии. О себе же донесу, что старость моя хоть и в полном изречии, но не изменила во мне чувств душевно<го> почтения и преданности, с коими имею честь пребыть

Милостивый Государь!
Вашего Превосходительства,
Покорнейший слуга
Иван Дмитриев

Москва

1837

Января 30 дня

¹ Михаил Иванович Микулин родился в 1791 г. (ЦГИА гор. Москвы. Ф. 4. Оп. 14. Д. 1210. Л. 40; Д. 1213. Л. 3) в семье отставного поручика, умер 2 декабря 1847 (Там же. Ед. хр. 1216. Л. 5); похоронен в селе Кожино Рузского уезда Московской губернии, «в склепе при Воскресенской церкви, им построенной» (*Шереметевский В. В.* Русский провинциальный некрополь. Т. 1. М., 1914. С. 552). Участник войны 1812—14 гг. (капитан — 1814; ордена Св. Анны 4 и 2 класса; св. Владимира 4 ст. с бантом; прусский военный орден «за достоинство»), уволенный от службы майором (1816), определен в Департамент Государственных имуществ Министерства финансов, затем — в Департамент разных податей и сборов того же министерства (1817), после чего уехал в Оренбургскую Казенную палату советником по отделению питейного сбора (1818), откуда в августе 1820 г. «по прошению уволен с прежним майорским чином» (ЦГИА гор. Москвы. Ф. 4. Оп. 14. Д. 1213. Л. 5 об. — 6). По воцарении Николая I снова вступил в службу — капитаном в корпус жандармов (Высочайший приказ 29 ноября 1826 г.), с декабря 1827 г. — снова

майор, 31 мая 1828 г. назначен плац-майором Главной Императорской квартиры, после участия в войне против турок произведен подполковником (31 января 1829 г.), а 1 января 1831 г. назначен в Москву полицмейстером с состоянием по кавалерии (Там же. Л. 4–7). «По всеподданнейшему докладу Московского Военного генерал-губернатора от 22 июля 1831 Высочайше утвержденному 26 июля того ж года присутствовал в секретной следственной комиссии, окончившей занятия свои 16 октября того ж года» (Там же. Д. 1216. Л. 16 об. — 17). В июльском письме 1831 года А. Я. Булгакова к дочери поясняется, что «полиц. Микулин делает следствие» по делу Сунгурова (РА 1906. № 1. С. 140). По-видимому, именно это расследование стало тем «отличием по службе», за которое он вскоре — 10 ноября 1831 г. — был произведен в полковники (ЦГИА гор. Москвы. Ф. 4. Оп. 14. Д. 1213. Л. 5 об. — 6). Формулярный список умалчивает об участии Микулина в 1834 г. в еще одной следственной комиссии, учрежденной 23 июля 1834 г. (см.: *Вандалковская М. Г. Допросы А. И. Герцена в следственных комиссиях 1834 года как исторический источник.* — Археографический ежегодник за 1961 год. М., 1962. С. 106). Здесь он мог с интересом познакомиться с показаниями подследственного А. И. Герцена: «...Имею честь бывать у его высокопревосходительства Ивана Ивановича Дмитриева» (*Гурьянов В. П. Допросы Герцена и Огарева в июле 1834 г.* — Литературное наследство. Т. 63. М., 1956. С. 273 *Герцен А. И. Собр. соч.*: В 30 т. Т. 21. М., 1961. С. 410; ср. герценовское уточнение: «имею честь знать довольно коротко...» — *Вандалковская М. Г. Указ. соч.* С. 109).

² Характер этой связи нами пока, к сожалению, не выяснен. Мать М. И. Микулина — Наталия Сергеевна — была урожденной Волженской; тетка Марья Сергеевна Микулина была замужем за кн. Сергеем Михайловичем Оболенским (ЦГИА гор. Москвы. Ф. 4. Оп. 14. Д. 1210. Л. 33 об.); брат Павел был женат на Александре Осиповне Серебряковой (Там же. Д. 1217. Л. 5); сам же Михаил Иванович взял в жены дочь Петра Николаевича Пекарского от первого брака (с Елизаветой Сергеевной Левашевой) Анну Петровну Пекарскую, сводную сестру академика Петра Петровича (*Пекарский П. П. Известие об уфимских дворянах Пекарских.* — Справочная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1883. С. 316).

³ В конце своего полицейского поприща Микулин был отличаем от прочих московских полицмейстеров пометой в «Адрес-календаре»: «Присутств.ующий» в Упр.аве> Благоч.иния>» (Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1836 год. Ч. 2. СПб., <1836>. С. 18; То же. ...На 1837 год. Ч. 2. СПб., <1837>. С. 18).

⁴ Д. Н. Блудов, являвшийся со второй половины 1820-х годов постоянным адресатом ходатайств И. И. Дмитриева о протекциях разным лицам (см.: РА. 1866. № 11–12. Стлб. 1661–1662, 1663, 1688–1689; 1868. № 4–5. Стлб. 648–649; 1906. № 1, С. 128; *Старина и Новизна. Кн. 2. СПб., 1898, 2, С. 180–181; Дмитриев И. И. Соч. Т. 2. С. 306*), в 1832–38 гг. был министром внутренних дел и, следовательно, высшим начальником М. И. Микулина. Неизвестно, каковы были желания Дмитриевского протеже, и сыграл ли Блудов какую-нибудь роль в их осуществлении, но вскоре после визита к министру — 12 мая 1837 г. — Микулин «по случаю увольнения в отпуск для поправления здоровья и по домашним обстоятельствам, на один год исключен из штата Московской полиции с оставлением по кавалерии и причислением к запасным войскам <...> При чем Всемиловейше пожалован ему в единовременное пособие годовой оклад жалованья 1700 руб. ассигнациями». Затем «на время отпуска причислен в запасной армейский полурэскадрон № 4 по Московской губернии» (ЦГИА гор. Москвы. Ф. 4. Оп. 3. Д. 10. Л. 149–150), а 2 мая 1838 г. был «уволен по прошению от службы для определения к статским делам с чином действительного статского советника» (Оп. 14. Д. 1216. Л. 15 об. — 17), три года находился в отставке, пока в январе 1841 не был избран Рузским дворянством в уездные предводители (Московское дворянство. Списки служивших по выборам. 1782–1910. М., 1910. С. 92). Затем переизбирался на ту же должность еще дважды (последний раз в декабре 1846), «в воздаяние отличной ревностной службы и особых трудов» (ЦГИА гор. Москвы, Ф. 394. Оп. 1. Д. 379) получил орден св. Владимира 3 ст. (1846), но последний срок (очевидно, по болезни) не дослужил, будучи 22 апреля 1847 г. уволен от должности с причислением к Министерству внутренних дел (Там же. Ф. 380. Оп. 1. Д. 173), куда физически не смог явиться и был отправлен в отпуск (*Грот Н. Я. Систематический каталог дел Архива Московского дворянства. Вып. 1. М., 1898. С. 41*).